

Украинский язык в русском контексте: образность, фольклор и этносимволика (на примере эпиграфов в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка»)

DOI 10.31483/r-64082

УДК 811.161.1'27

Савченко А.В.^{1,a}, Бодрова А.Г.^{2,b}¹Государственный университет Чжэнчжи

Тайбэй, Тайвань.

²ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,

Санкт-Петербург, Российская Федерация.

^a <https://orcid.org/0000-0002-4337-9925>, e-mail: savchenko75@mail.ru^b <https://orcid.org/0000-0002-8625-6589>, e-mail: bodran@rambler.ru

Резюме: В данной статье с лингвистической и этнокультурологической точек зрения рассматриваются украинские тексты в произведении Н.В. Гоголя «Сорочинская ярмарка», включенные писателем в текст повести для придания особого колорита в русскоязычную прозу, которая является неотъемлемой частью русской литературы, культуры и истории. *Цель статьи.* Настоящая работа представляет собой попытку истолкования украинских концептуальных образов, метафор и символов, использованных автором для создания в повести атмосферы украинской самобытности. *Методы.* В исследовании использованы методы контекстуально-прагматического и лексического анализа. Предметом нашего исследования, в частности, явились тексты эпиграфов к каждой из глав вышеуказанного произведения, которые из-за недостаточного знания украинского культурного контекста далеко не всегда глубоко понимаются русским читателем и не всегда вызывают тот же ассоциативный ряд, что и у носителя украинского мировоззрения, хотя близкого к русскому, но все же в значительной степени отличающегося от него. *Результаты исследования* позволяют сделать выводы о разности культурологического восприятия смысла, заложенного Гоголем в текст и смысл своего произведения. *Делаются выводы том,* что анализируемый текст Гоголя демонстрирует не только культурологическое сходство двух народов, но, что представляется более важным, и отличия в мировосприятии и миропонимании украинцев и русских. Украиноязычные эпиграфы, приводимые писателем в начале каждой главы, выполняют роль своеобразного «текстового маркера», который помогает читателю глубже вникнуть в содержание текста, попытаться понять не только эксплицитные, но и имплицитно заложенные автором в его структуру смыслы.

Ключевые слова: русский язык, Н.В. Гоголь, украинский язык, лексикология, текстология, Сорочинская ярмарка.

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Проведение комплексного социолингвистического исследования роли и функций русского языка в украинском полиязычном пространстве и описание положения русского языка в современной языковой ситуации на Украине» (№18–012–00754 А).

Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда Александра фон Гумбольдта.

Для цитирования: Савченко А.В. Украинский язык в русском контексте: образность, фольклор и этносимволика (на примере эпиграфов в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка») / А.В. Савченко, А.Г. Бодрова // *Этническая культура*. – 2019. – № 1 (1). – С. 55–58. DOI:10.31483/r-64082.

Ukrainian in Russian Context: Pattern, Folklore and Ethnic Symbols (on the Exmples of Epigraphes in "The Fair at Sorochyntsi" of N.V. Gogol)

Aleksandr V. Savchenko^{1,a}, Anna G. Bodrova^{2,b}¹National Chengchi University

Taipei, Taiwan

²FSBEI HE "Saint-Petersburg State University",

Saint-Petersburg, Russian Federation.

^a <https://orcid.org/0000-0002-4337-9925>, e-mail: savchenko75@mail.ru^b <https://orcid.org/0000-0002-8625-6589>, e-mail: bodran@rambler.ru

Abstract: In this article, from the linguistic and ethnoculturological points of view are analyzed Ukrainian texts of epigraphs in "The Fair at Sorochyntsi" by N.V. Gogol, included in the Russian-language prose, which is an integral part of Russian literature, culture and history. *Purpose of the article:* This work is an attempt to interpret Ukrainian conceptual symbols, images and metaphors used by the author to create a special atmosphere of Ukrainian identity. *Methods:* In the study the methods of contextual-pragmatic and lexical analysis are used. In particular, the subject of our study is the Ukrainian texts of the epigraphs to each of the chapters of the above-mentioned literary work, which, due to insufficient knowledge of the Ukrainian cultural context, are far from always deeply understood by the Russian reader and do not always evoke the same associative series as the bearer of the Ukrainian worldview, although close to the Russian one, but still significantly different from it. *Results:* As a result of the study it is possible to state, that here we deal with the problem of the difference in the cultural perception and understanding the original significance, laid down by N. Gogol in the text and the meaning of his work. *It is concluded that* the analyzed text of Gogol demonstrates not only the cultural similarity of the two peoples, but, which seems to be more important, the differences in the worldview and way of life of Ukrainians and Russians. The epigraphs in Ukrainian cited by the writer at the beginning of the each chapter serve as a kind of «textual marker», which helps the reader to delve deeper into the content of the text and try to understand not only explicit meaning but also implicit senses implied by the author in its structure.

Keywords: the Ukrainian language, the Russian language, N.V. Gogol, lexicology, textology, The Fair at Sorochyntsi.

Acknowledgments: The research was conducted with the financial support of the RFBR Foundation. Russian language project "Conducting a comprehensive sociolinguistic study of the role and functions of the Russian language in the Ukrainian polylingual space and describing the position of the Russian language in the modern language situation in Ukraine" (№18-012-00754 A).

The research was carried out with the financial support of the Alexander von Humboldt Foundation.

For citation: Savchenko A.V., & Bodrova A.G. (2019). Ukrainian in Russian Context: Pattern, Folklore and Ethnic Symbols (on the Exmples of Epigraphes in "The Fair at Sorochyntsi" of N.V. Gogol) *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 1(1), 55-58. (In Russ.) DOI:10.31483/r-64082.

Введение

Языку произведений Н.В. Гоголя в российской лингвистике и литературоведении посвящено немало работ авторитетных ученых [1; 3]. При этом отметим, что для русских стиль этого писателя представляет собой предмет для отдельных специальных лингвистических исследований; идиостиль Гоголя признается уникальным и неповторимым, однако в то же время для носителя украинского менталитета этот стиль вполне узнаваем и не требует развернутых филологических комментариев и пояснений, так как хорошо знакомы и известны практически любому представителю украинской культуры.

Отметим, что язык Гоголя и манера его изъяснения глубоко вошли в русскую культуру и национальное сознание, став его неотъемлемой частью [2, с. 149]. Гоголь обогатил его, раскрыв для русских свою родную Украину: ее традиции, обычаи, форму мышления близкородственного, но все же другого народа, его образа жизни и мышления. Благодаря Гоголю русская культура значительно обогатилась за счет украинского фольклора, культуры, равно как и благодаря общественной, творческой и литературной деятельности таких украинцев, как Ф. Прокопович, Г. Сковорода, М. Котляревский, Т. Шевченко, М. Старицкий, И. Франко и многих других [10, с. 26]. Н.В. Бялый справедливо отмечает, что «Гоголь имеет право на равное место с Толстым и Достоевским... Фраза Гоголя начинает период, плоды которого срываем и мы: и в Маяковском, и в Хлебникове, и в пролетарских поэтах и беллетристах» [1, с. 12].

Однако именно Гоголь максимально приблизил для русских украинскую культуру, облегчил и расширил диапазоны ее восприятия, понимание самобытности своего народа – украинцев – посредством языка своих произведений: путем включения реалий своего народа, которые достаточно легко и быстро укоренились в русском сознании, стали узнаваемыми и почти родными, но все же соотносимыми с культурой соседнего близкородственного народа. В качестве примера достаточно только вспомнить, например, прочно вошедшие в русский лексикон украинизмы: *черевики, парубок, хата, бандура, галушки, горилка, хлопец, дивчина, рушник, оселедец, гопак* и многие другие [4, с. 159].

Методы. Понимание художественного текста достигается за счет адекватного восприятия его содержания: как конкретных слов и выражений, так и благодаря владению фоновыми историческими и культурологическими знаниями. В своем анализе мы используем методы как культурологического, так и приемы сугубо лингвистического (лексического, контекстуально-прагматического) анализа.

Результаты. В нашей статье прокомментированы лишь те аспекты в прозе Гоголя, те фрагменты его тек-

стов, которые мало затрагивались в отечественной лингвистике, вероятно, по объективной причине недостаточного понимания отечественными учеными глубины их образности, скрытой и в ряде случаев не до конца постижимой для русского читателя, но знакомой и родной для носителя украинской культуры и менталитета.

Обсуждение. Рассмотрим некоторые тексты эпиграфов на украинском языке, которые предваряют каждую из глав и представляют собой некую общую канву произведения «Сорочинская ярмарка».

Как удивителен, как роскошен летний день в Малороссии [5]!

В своих произведениях Н.В. Гоголь довольно часто с упоением воспевает природу своей родной Украины (здесь вспомним также и «Тиха украинская ночь», «Чуден Днепр при тихой погоде» и др.), которую он в духе того времени называл Малороссией (официальное название центральной и восточной частей современной Украины в дореволюционной России). Сам термин является калькой с греческого *Μικρά Ρωσία*, которым в разные исторические времена именовали те или иные области Восточной Европы. Вначале такое название имели галицкие земли в составе Речи Посполитой [6, с. 2]. Как писал Г.Ф. Миллер, «...от поляков принято сие имя и введено в Великой России» [9, с. 82].

Ой, вези ж мене із дому, Де багацько грому, грому, Де гопцюють все дівки, Де гуляють парубки!

Глагол *гопцювати* будет понятен и в точности воспринят далеко не каждым русским читателем, в отличие от носителя украинского языка. Первым и основным значением, в котором его употребляет Гоголь, – «весело, задористо танцевать», ср. *Ріжуть скрипки і бандури, Дівчата гопцюють* [12, т. 2, с. 124]. Этим глаголом, в частности, мотивировано и название традиционного украинского народного танца – *гопак*.

Лексема *парубок* – «неженатый парень, юноша» – прочно вошла в русский язык благодаря Гоголю. В русском сознании она узнаваема и ассоциируется исключительно с украинской культурой и самобытностью.

Чого нема на тій ярмарці! Колеса, скло, дьоготь, тютюн, ремінь, цибуля, крамарі всяки...

В этом эпиграфе мы встречаем несколько лексем, которые также мало понятны русскому читателю: *тютюн* – «табак», *крамар* в украинском языке – это: 1. «мелкий торговец», 2) *пренебр.* «барышник, спекулянт» (ср. *Крамар – як комар: де сиде, там і п'є*) [12, т. 4, с. 322]. Здесь заметим, что словари русского языка, в том числе и Словарь Даля, выделяют только первое значение русской лексемы *крамарь*, причем во всех словарных статьях подчеркивается сема «торгующий женским бельем» [7, т. 2, с. 184].

Не хилися, явороньку, Ще ти зелененький; Не журися, козаченьку, Ще ти молоденький!

В данном эпитафе (слова из народной песни) у русского читателя может возникнуть недопонимание вследствие интерференции в близкородственных языках. В украинском глагол *хилитися* имеет значение «склоняться, нагибаться», тогда как русские словари трактуют его как «становиться хилым», например: «хилить от хилый, а также – ходить вокруг да около. в юж. нагибать, наклонять» [7, т. 4, с. 548], в других этот глагол ошибочно связывается по значению с глаголами *хилить*, *хилеть*. Слово *явор* также фактически не употребительно в русском языке – чаще всего используется название «клен белый», тогда как в украинском эта древнеславянская лексема жива (в том числе и по причине частой встречаемости этого дерева в украинской природе). В данном контексте слово *явор* употреблено в диминутивной форме и звательном падеже, что также подчеркивает его концептуальное значение для фольклора и культуры народа [13, с. 190].

Глагол *журилася* также требует пояснений для носителя русского языка. В украинском он имеет значение «печалиться, грустить», при этом эпитафа иллюстрирует характерную черту для украинской песенной культуры – частотный прием сравнения окружающей человека природы с его бытом, поведенческими традициями и, конечно же, внутренним миром, чувствами и переживаниями (подобные метафорические образы, безусловно, есть и в русской культуре, однако они не всегда совпадают, а в украинской культуре широко распространены и в повседневном речевом обиходе, в разговорном дискурсе, тогда как в русском, в основном, относятся исключительно к (песенному) фольклору и поэзии).

От біда іде, Роман, от тепер як раз насадити мені бебехів...

Здесь фразеологизм *насадити бебехів* употреблен в значении, близком к русскому «надавать тумаков», где *бебех* означает звук, вызванный падением, ударом обо что-то мягкое. В украинском языке также часто используется и производный от этого существительного глагол *бебехнути* с аналогичной семантической мотивировкой [11, с. 119].

Піджав хвіст, мов собака, мов Каїн, затрусивсь увесь; Из носа потекла табака.

Словам из «Энеиды» М. В. Котляревского, взятым Гоголем для данного эпитафа, также необходимо дать пояснения для носителя русского языка. Устойчивое сравнение *піджав хвіст, мов собака*, употребленное также в контексте с компонентом-библейзмом *мов Каїн* М. В. Котляревский в своей «Энеиде» употребляет в значении «оторопеть, испугаться» по ассоциации с ветхозаветным сюжетом, когда Авель пришел убивать своего брата Каина [8, с. 110], а глагол *(за)труситися* – «задрожать (от страха, испуга)».

Чур тобі, пек тобі, сатанінське навождене...

Здесь устаревшее междометное устойчивое заклиание *пек тобі* употреблено для выражения досады, неудовольствия чем-либо, в синонимичном междометному устойчивому сочетанию *чур тобі*. Исконно лексема *пек* имеет значение «густое, вязкое или твердое вещество черного цвета, которое остается после перегонки торфяного дегтя» [12, т. 6, с. 120], что объясняет мотивировку данного фразеологизированного заклиания.

За мое ж житто та мене й побито.

Данный эпитафа понятен ввиду близкородственности языков, следует лишь отметить, что оно представляет собой весьма расхожую украинскую пословицу, которая по настоящее время жива и употребляется в современном языке.

...За що глузуєте? – сказав наш неборак. – За що знушається ви надо мною так? ...сказав, та й попустив патьоки...

Ряд лексем из этого эпитафа также требует лексических комментариев. Распространенные и узнаваемые в современном языке глаголы *глузувати* – «едко надсмехаться» и *знущатися* – «издеваться» несут в себе дополнительно и разговорную экспрессивно-маркированную окраску, тем более что слова этого эпитафа были взяты Гоголем из украинской комедии.

Слово *неборак*, характерное больше для разговорного языка, употребляется в значении «человек, положение или действия, поступки которого вызывают жалость и сочувствие» [12, т. 5, с. 250]; ср. словацк. *neborák*: «бедняга, бедняк».

Украинский фразеологизм *попустити (розпустити) патьоки*, которому трудно подобрать полный аналог в русском языке, означает «расплакаться, разреваться; распустить нюни» с эмоционально-экспрессивной окраской [12, т. 6, с. 99].

Зеленький барвіночку, Стелися низенько! А ти, милий чорнобривий, Присунься близенько!

Барвинок – общая для русского и украинского языков лексема, обозначающая род низко стелющихся полкустарников, однако в русской культуре он не имеет такой образности, как в украинской, а, следовательно, не может быть со всей глубиной адекватно воспринят носителем русской культуры. Это прежде всего вечная любовь, а также молодость и свежесть, как, например, в устойчивом сравнении *хлопець молодий як барвінок*. Именно поэтому на Украине существует традиция собирать барвинок, девушки вплетают его в косы, невесте и жениху на свадьбе надевают венки из барвинка в знак долгой и верной любви. Барвинок – хоть и не примечательное, но совсем неприхотливое растение, которое начинает зеленеть еще под снегом и цветет с конца мая до поздней осени, поэтому, надевая венок из барвинка на молодых, верят, что любовь их будет крепкая и вечная: «*Як цей барвінок ніколи не блідне, так най і життя твоє ніколи не блідне*». Именно поэтому барвинок также символизирует жизненную силу и вечность [11, с. 120].

Нам представляется, что подобные исследования пока недостаточно освещенных аспектов творчества Н.В. Гоголя, особенностей его идиостиля, связанных с употреблением им различных элементов украинского языка в оригинальных русскоязычных текстах, помогут глубже взглянуть как на его творчество в целом, так и на смысловые нюансы текстов его произведений, способны открыть новые грани его писательского гения.

Выводы. Таким образом, украинскоязычные эпитафы, используемые Н.В. Гоголем в начале каждой главы повести «Сорочинская ярмарка», выполняют как смысловую текстообразующую функцию, характерную для

любого эпитафия – кратко и емко предварить основное содержание и логически подчеркнуть общий смысл последующего текста, так и играют роль текстового «культурологического маркера», с помощью которого автор погружает читателя в аутентичную украинскую атмосферу, переносит его в непосредственное место действия – Украину, настраивает его на необходимый автору ассоциативный ряд. Можно также предположить, что украиноязычный эпитафия на фоне основного текста на русском языке (на котором и писал Гоголь) –

это своеобразный «текстовый раздел», который, с одной стороны, соединяет две близкородственные культуры и объединяет два близкородственных языка, а с другой – отражает культурологические (и языковые) отличия двух наций.

Примечание

¹⁾ Здесь и далее по всему тексту приводятся эпитафии к «Сорочинской ярмарке» в той последовательности, в которой они даются в тексте оригинала произведения.

Список литературы

1. Бялый Н.В. Мастерство Гоголя. – М.; Ленинград: Огиз-Гихл. – 355 с.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
3. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
4. Гажева И.Д. Украинизмы как имена культурных концептов в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Вестник Запорожского национального университета. Филологические науки. – Запорожье, 2011. – №2. – С. 157–164.
5. Гоголь Н.В. Сорочинская ярмарка. – Калининград: Янтарный сказ, 1996. – 38 с.
6. Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. 1. – Київ: Наукова думка, 1994. – С. 2.
7. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1978.
8. Кузнецова И.В. Типы устойчивых сравнений с антонимичными компонентами (на материале русского, украинского и сербского языков) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. Язык. Литература. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1994. – Вып. 3 (№16). – С. 109–112.
9. Миллер Г.Ф. Исторические сочинения о Малороссии и Малороссиянах. – М.: Университетская типография, 184. – 282 с.
10. Мирошник Д.И. Н.В. Гоголь. Его роль в укреплении русско-украинских языковых связей. – Харьков: Хнуба, 1959. – 256 с.
11. Савченко А.В. Украинские фольклорные образы-символы и их отражение в культуре, языке и фразеологии / А.В. Савченко, М.С. Хмелевский, М.С. Хмелевский // Фольклорная фразеология: проблемы лингвокультурологического и лексикографического описания: колл. монография. – СПб., 2018. – С. 118–125.
12. Словник української мови: в 11 т. // АН УРСР, Інститут мовознавства. Т. 2. – Київ: Наукова думка, 1970–1980. – С. 244.
13. Хмелевский М.С. Украинская песня в современной русской культуре: вопросы межкультурного восприятия // Никоновские чтения: электронный сб. научных ст. – Чебоксары: Изд-во ЧГПУ, 2018. – С. 186–192.

References

1. Bialyi, N. V. Masterstvo Gogolia., , 355. M.;
2. Vezhbitskaia, A. (2001). Ponimanie kul'tur через posredstvo ključevykh slov., 288. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury.
3. Vinogradov, V. V. (1982). Oчерки po istorii russkogo literaturnogo iazyka XVII-XIX vv., 528. M.: Vysshaja shkola.
4. Gazheva, I. D. (2011). Ukrainizmy kak imena kul'turnykh kontseptov v "Večerakh na khutore bliz Dikan'ki" N.V. Gogolia. Vestnik Zaporozhskogo natsional'nogo universiteta. Filologičeskie nauki, 2, 157-164. Zaporozh'e.
5. Gogol', N. V. (1996). Sorochinskaia iarmarka., 38. Kaliningrad: Iantarnyi skaz.
6. Grushevs'kii, M. S. (1994). Istoriiia Ukrayini-Rusi. T. 1., 2. Kiyiv: Naukova dumka.
7. Dal', V. I. (1978). Slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka. M.: Russkii iazyk.
8. Kuznetsova, I. V. (1994). Tipy ustoichivykh sravnenii s antonimichnymi komponentami (na materiale russkogo, ukrainskogo i serbskogo iazykov). Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2: Istoriiia. Iazyk. Literatura. -Sankt-Peterburg.; 3(16), 109-112. Izd-vo SPbGU.
9. Miller, G. F. Istoricheskie sochineniia o Malorossii i Malorossiiianakh., 282. M.: Universitetskaia tipografiia, 184.
10. Miroshnik, D. I. (1959). N.V. Gogol'. Ego rol' v ukreplenii russko-ukrainskikh iazykovykh sviazei., 256. Khar'kov: Khnuba.
11. Savchenko, A. V., & Khmelevskii, M. S. (2018). Ukrainskie fol'klornye obrazy-simvoly i ikh otrazhenie v kul'ture, iazyke i frazeologii. Fol'klornaia frazeologiiia: problemy lingvokul'turologičeskogo i leksikografičeskogo opisaniia, 118-125. SPb.
12. (1970). Slovník ukrayins'koyi movi. AN URSR, Institut movoznavstva. T. 2. -1980, 244. Kiyiv: Naukova dumka-.
13. Khmelevskii, M. S. (2018). Ukrainskaia pesnia v sovremennoi russkoi kul'ture: voprosy mezhkul'turnogo vospriatiia. Nikonovskie chteniia, 186-192. Cheboksary: Izd-vo ChGPU.

Информация об авторе

Савченко Александр Викторович – ассистент-профессор, канд. филол. наук, Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Тайвань.

Бодрова Анна Геннадьевна – канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Information about the author

Aleksandr V. Savchenko – assistant-professor, candidate of philological sciences, National Chengchi University, Taipei, Taiwan.

Anna G. Bodrova – candidate of philological sciences, associate professor FSBEI HE "Saint-Petersburg State University", Saint-Petersburg, Russian Federation.